СВОЕ ЛИЦО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ"

Iwanoff-Rasumnik

Das eigene Gesicht

Verlag „Skythen“ / Berlin

Ивановъ-Разумникъ

Свое лицо

Издательство „Скиѳы“ / Берлинъ

Свое лицо.

Мечъ войны сперва, мечъ революцiи вслѣдъ за нимъ — разсѣкли всю страну, весь народъ, разсѣкутъ и весь мiръ на два стана. И каждый, сознательно или въ темныхъ тайникахъ души, опредѣлилъ себя, сталъ здѣсь или тамъ.

Началась мiровая война — и среди сотенъ и тысячъ прiявшихъ это чуждое для народа и преступное братоубiйственное дѣло, оказалось нѣсколько единицъ и десятковъ, не склонившихъ головы передъ идоломъ великодержавной „государственности". Передъ этимъ идоломъ стояла русская бюрократическая власть, и за это сметена была она неудержимымъ потокомъ февральской революцiи. За купеческую войну умиралъ во всѣхъ странахъ трудовой народъ — но сказать эту правду въ тѣ безумные годы дерзали немногiе „интернацiоналисты".

Пришла русская революцiя — и принесла съ собой внѣшнюю побѣду этимъ немногимъ. Изъ единицъ ихъ сразу выросли тысячи и десятки тысячъ, они захватили чуждую имъ идею и утопили ее въ болотѣ мелкаго соглашательства, въ убогомъ соцiалистическомъ мѣщанствѣ. На эту болотистую почву стало новое русское „революцiонное" правительство и завязло въ ней безнадежно. Новая волна революцiи выноситъ теперь на вершину власти новое революцiонное правительство. Соцiалисты-мѣщане сметены „большевиками".

„Большевики" побѣдили, они у власти. И если въ дни торжества сѣраго соцiалистическаго центра,

въ дни власти безкрылой соціалистической сѣрости, въ дни пошлыхъ издѣвательствъ надъ „запломбированными“ дѣятелями лѣваго соціализма, если въ тѣ дни не было нравственной возможности стать на сторону горе-побѣдителей, увязнувшихъ въ реакціонномъ болотѣ, то въ нынѣшніе дни побѣды „большевиковъ“, въ дни ихъ торжества и силы — каждый изъ насъ можетъ и долженъ прямо и смѣло намѣтить свой путь, не идя за колесницей побѣдителей.

Что было мнѣ ненавистно въ соціалистическомъ болотѣ, почему я не могъ идти по его моховымъ тропамъ? Потому что по двумъ главнымъ вопросамъ (не считая тысячи мелкихъ) всѣ мы были свидѣтелями позорнаго виляній, недопустимаго оппортунизма. Это были вопросы о войнѣ и о смертной казни.

Война: въ серединѣ марта обращеніе ко всѣмъ народамъ міра съ призывомъ къ миру, созывъ международной и подлинно народной конференціи, твердое рѣшеніе прекратить міровую бойню „безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ“. Пусть слова эти — корявыя, плоскія, но содержаніе за ними было острое и яркое. И вслѣдъ за ними — безумное возобновленіе войны въ іюнѣ, срывъ съѣзда третьяго интернаціонала, сдача на капитуляцію всѣмъ темнымъ силамъ, позорный провалъ величайшей идеи русской революціи.

Смертная казнь: отмѣна ея „навсегда“, введеніе ея вновь „на фронтѣ“, упорныя попытки распространить ее на всю страну . . .

И этихъ двухъ пунктовъ — было довольно: я не съ тѣми, кто за смертную казнь и за войну. Ибо всѣми силами духа и воли буду всегда возставать я противъ всякой смертной казни, ибо никогда не пойду я съ тѣми, кто длитъ войну хотя бы на одинъ день.

И вотъ — приходитъ октябрьская революція, еще разъ сметаетъ „старую власть“, еще разъ провозгла-

шаетъ отмѣну смертной казни и твердое рѣшеніе прекратить войну. И я — всецѣло съ этой новой пришедшей силой, если бы только зналъ, если бы только былъ увѣренъ, что подъ этими словами лежитъ то самое содержаніе, которое мнѣ дороже всего. Но — я въ этомъ не увѣренъ. И даже — я почти увѣренъ въ обратномъ.

Война? — Да, перемиріе, миръ, международная конференція, третій интернаціоналъ. Но не отъ Ленина-ли я слышалъ всегда, что лишь только въ Россіи побѣдитъ подлинная соціальная революція, какъ за лозунги ея начнется міровая война, ибо лишь на концахъ штыковъ побѣда идеи этой пронесена будетъ черезъ всю Европу? Въ идею — я вѣрю, въ „концы штыковъ“ — не вѣрю. Я былъ противъ дикой бойни купеческой войны, я противъ всякой войны, а значитъ и противъ „войны революціонной“.

Смертная казнь? — Да, „смертная казнь на фронтѣ отмѣняется“. Но не вводится-ли она въ тылу? Прежде съ ужасающимъ фарисействомъ хотѣли казнить солдата за кражу пятнадцати яблокъ; могу-ли я быть увѣренъ, что не будетъ теперь казни за идею? Нѣтъ, я не увѣренъ, скорѣе даже увѣренъ въ противномъ. Ибо я вижу, что смертная казнь свободнаго слова — уже началась; уже предписано „закрытіе на всей территоріи Россійской Республики всѣхъ не-демократическихъ газетъ“ . . .

Диктатура одной партіи, „желѣзная власть“, терроръ — уже начались, и не могутъ не продолжаться. Ибо нельзя управлять иными мѣрами, будучи изолированными отъ страны. Я знаю, что въ этой преступной изоляціи больше всего виновно именно соціалистическое „большинство“, умывшее нынѣ руки, подобно Понтію Пилату; я знаю, что часть этихъ болотныхъ людей готова идти дальше, готова призывать громы земные на „большевизмъ“, готова вопить: „кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“. . .

Но я знаю также, что дорога внѣшняго и внутренняго террора — не мой путь, что здѣсь пути мои одинаково разошлись съ одними и другими.

А практическіе выводы? Надо рѣзко отмежеваться на обѣ стороны, чтобы сохранить свое лицо. Ибо свое лицо — самое дорогое, самое святое, что только можетъ быть у человѣка.

27 октября.

Три ступени.

Какой путь впереди? Путь единственный. Не умывать рукъ, не предавать на гибель теченіе подлинно революціоннаго соціализма, не отходить въ сторону, боясь грязи и сора, но войти въ самое русло потока, не поступаясь своимъ лицомъ, своими идеалами, своею вѣрой! Газеты разгромлены — бороться за открытіе газетъ. Политическіе враги брошены въ тюрьму — требовать слѣдствія и суда. Надо выпрямлять, и не вправо, а вверхъ — ту линію революціоннаго дѣйства, которую „большевизмъ" можетъ искривить въ своемъ упоеніи побѣдой.

Они хотятъ „революціоной войны", они возглашаютъ „да здравствуетъ гражданская война". Пусть. Но имъ должны мы сказать то самое, что говорили всѣмъ восхвалявшимъ міровую войну. Да, войну можно призывать, войну можно принимать, — но лишь тому, кто самъ беретъ ружье въ руки и идетъ убивать и умирать. Въ войнѣ націй и въ войнѣ классовъ — мы одинаково должны требовать этого minimum'а этической нормы.

Правда, нормы эти безнадежно убоги, и плоски въ пониманіи той злобной обывательщины, которая теперь рветъ и мечетъ, проклиная соціализмъ, проклиная революцію. Двѣ разныя мѣрки у уличнаго хама. Когда тюрьмы были переполнены въ іюлѣ мѣсяцѣ представителями разгромленнаго „большевизма" — мы протестовали противъ этой расправы съ политическими врагами, а уличный хамъ злорадствовалъ, злобился, призывалъ къ расправамъ, кле-

веталъ, издѣвался надъ сидящими въ тюрьмѣ. Теперь, въ ноябрѣ — тюрьмы будутъ переполнены побѣжденными врагами „большевизма" и нашими худшими идейными врагами, представителями соціалистическаго болота, и мы заранѣе поднимаемъ нашъ голосъ противъ этого воздаянія „око за око и зубъ за зубъ". Но уличный хамъ — какой онъ вопль подыметъ, какъ будетъ онъ — это онъ-то — кричать о попранной свободѣ, о поруганной справедливости! Но требуетъ ли онъ смертной казни и тюрьмы или кричитъ противъ нихъ — одинаково онъ гадокъ и противенъ.

Да, много тяжелаго впереди — и тяжелаго не отъ внѣшняго пораженія (внѣшнее пораженіе было внутренней нашей побѣдой), а наоборотъ, — отъ внѣшней побѣды. Наша задача въ томъ, чтобы не стала она внутреннимъ пораженіемъ. Мы не можемъ поэтому умыть руки, какъ Понтій Пилатъ, предавая революціонный соціализмъ его судьбѣ. Мы должны идти до конца.

Мы должны идти до конца тѣмъ болѣе, что не торжество внѣшней побѣды, а быть можетъ обреченность гибели впереди. Эта обреченность — неизбѣжна, если міровая революція не поддержитъ огнемъ своимъ пламени революціи русской. Огонь этотъ позорно тушился доселѣ болотной водой мѣщанскаго соціализма, захватившаго власть въ Россіи. Революціонная волна презрѣнія и гнѣва затопила его наконецъ. „Презрѣніе созрѣваетъ гнѣвомъ, а зрѣлость гнѣва есть мятежъ." И, Боже, до чего палъ онъ, до чего докатился онъ, этотъ „соціализмъ" этихъ „революціонеровъ". Я пишу эти строки въ Царскомъ Селѣ подъ гулъ канонады тяжелыхъ пушекъ: это бывшій „министръ-соціалистъ" ведетъ противъ возставшихъ рабочихъ матросовъ и солдатъ — казачьи полки . . . Этимъ все сказано.

Если революціонный соціализмъ побѣдитъ — впереди міровыя возможности, новыя формы государственнаго устройства, (власть Совѣтовъ), пламя революціи міровой. Первый годъ русской революціи — этимъ

конченъ. Три ступени пришлось ей пройти въ годовой тяжелой борьбѣ.

И первая ступень — самая легкая — побѣда 28-го февраля, побѣда надъ „царизмомъ", мѣднымъ колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Легка была побѣда, потому что годами и годами героической борьбы подготовилась она, потому что смерчъ міровой войны расшаталъ основы и скрѣпы, которыми держался этотъ колоссъ. Въ два-три дня борьбы — рухнулъ онъ и разсыпался пылью.

Вторая ступень — болѣе трудная — побѣда надъ россійскимъ „либерализмомъ", который на развалинахъ павшаго строя хотѣлъ устроить испытанный, европейскій, „конституціонный" строй, строй „буржуазной" ограниченной монархіи (2-ое марта) или даже — о, верхъ либерализма — буржуазной „демократической республики". Мартъ и апрѣль ушли на скрытую и явную борьбу съ этимъ „либерализмомъ" — врагомъ болѣе опаснымъ, чѣмъ „царизмъ", ибо волчьи повадки онъ прикрывалъ лисьимъ хвостомъ. 20-го апрѣля пришелъ и ему конецъ.

Третья ступень — самая тяжелая — побѣда надъ „мѣщанскимъ соціализмомъ", который тѣсно связался съ павшимъ „либерализмомъ" и увязилъ на полъ-года въ тускломъ соглашательскомъ болотѣ великую русскую революцію. Великую — по своимъ возможностямъ, жалкую — по своему топтанію въ мѣщанскомъ болотѣ. Въ немъ мы задыхались. Думалось: неужели же огонь революціи потухнетъ, залитый болотной водой? Но вѣрилось: необходимъ и неизбѣженъ этотъ кругъ Дантова ада, не пройдя его — не прозрѣютъ массы. И тяжела была борьба, съ побѣдами и пораженіями. Ибо врагъ былъ безмѣрно сильнѣе и безмѣрно опаснѣе прежнихъ двухъ; не лисьимъ хвостомъ, а овечьей шкурой прикрывалъ онъ свою мѣщанскую сущность. Слуга стараго міра, онъ провозглашалъ себя героемъ міра новаго; соглашатель, рукопожатель и примиренецъ, онъ поднималъ знамя

революціоннаго соціализма; революціонное нѣкогда знамя „Учредительнаго Собранія“ онъ сумѣлъ сдѣлать знаменемъ реакціоннымъ. Нынѣ и ему пришелъ конецъ.

Дорога передъ подлиннымъ революціоннымъ соціализмомъ теперь открыта. Что-же? Быть можетъ теперь настало время сказать свое „нынѣ отпущаеши“? Теперь — менѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Ибо, еще и еще разъ повторяю — впереди не маниловскій соціалистическій рай на землѣ, не легкая, усѣянная цвѣтами дорога, а тяжкій, тернистый путь, поистинѣ крестный путь народа, крестный путь революціи. Впереди — вѣрю въ это — пожаръ міровой революціи, впереди — упорная, тяжелая, многолѣтняя, вѣковая борьба со слугами стараго міра, борьба за смутно маячащія цѣнности міра новаго, впереди ошибки и паденія, побѣды и пораженія.

Прошелъ „годъ революціи“, завершенъ первый кругъ ея; мы — на порогѣ новыхъ невѣдомыхъ круговъ по обрывамъ и кручамъ. И пусть первый же изъ этихъ круговъ приведетъ насъ отъ возстанія народа — къ возстанію народовъ, отъ великой русской революціи — къ великой революціи міровой.

30 октября.

Съ Антихристомъ за Христа.

I.

Двѣ стихійныя бури, одна за другой (и одна изъ-за другой) потрясли русскую народную душу на короткой полосѣ трехъ лѣтъ міровой исторіи: война и революція. И твердо знаемъ мы, что вошли безвозвратно въ „грозовой періодъ“, въ царство „грозы и бури“, что отъ міровой войны этотъ путь ведетъ къ міровой революціи, что раньше или позже она потрясетъ всѣ захваченные войною народы.

Когда первая стихійная буря, буря войны потрясла Россію въ 1914 году — народъ „отъ земли“ выдержалъ это тяжкое испытаніе огнемъ войны; безъ злобы и безъ ненависти къ „врагу“ пошелъ онъ, куда повели его убивать и умирать. Но не выдержали этого испытанія почти всѣ „на горѣ стоящіе“, почти всѣ писатели, художники, ученые, вся эта „соль земли“, сразу переставшая быть соленою. А для чего служитъ такая несоленая соль — объ этомъ еще въ Евангеліи сурово сказано: „ни въ землю, ни въ гной потребна есть — вонъ изсыплю ю, да попираема будетъ человѣки“ . . .

Писатели и художники, тогда духовно павшіе въ болото, теперь виновато оправдываются порой: они не могли не отвѣтить на голосъ стихійной бури войны, не могли не отвѣтить „народу“ на его „порывъ“. Какъ же, помилуйте:

Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ — Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.

Вотъ они и „возмутились“ и стали съ самаго же начала въ прозѣ и стихахъ, въ картинахъ и статьяхъ служить духу войны и верховному его повелителю, духу націонализма, которому никогда не служилъ народъ, всюду обманутый и обманываемый. Они полными пригоршнями сѣяли злобу и вражду между народами, забывъ слова той же міровой книги: „имѣйте соль въ себѣ и миръ имѣйте между собой“. А многіе ли изъ нихъ взывали тогда къ миру всего міра.

Нѣтъ, немногіе: одинъ, два, три — и обчелся. Да и эти двое-трое не взывали, а шептали, не шли до конца, а робко плелись въ хвостѣ; другіе — замолчали, точно молчаніемъ можно исповѣдывать свою вѣру. Но эти хоть молчаніемъ своимъ не предавали высшихъ человѣческихъ цѣнностей. А остальные — всѣ провалились въ болотныя низины, всѣ были развѣяны смерчемъ войны. Испытанія огнемъ ея они не выдержали.

Можно было бы назвать крупныхъ художниковъ слова, безславно опустившихся до общаго уровня толпы въ эти тяжелые дни испытанія:

Храбрыхъ россійскихъ героевъ
я всѣхъ поименно исчислю.

Трудъ этотъ былъ бы, однако, слишкомъ обширенъ: этими храбрыми героями оказалась сразу полна вся литература, этихъ россійскихъ героевъ можно было встрѣтить на каждомъ литературномъ перекресткѣ. А вотъ „поименно исчислить“ писателей, пошедшихъ въ тѣ дни противъ теченія — легче легкаго.

Но какъ трудно было идти нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ сбивались съ пути они, какъ невольно поддакивали они толпѣ, даже расходясь съ нею въ разныя стороны, какъ боялись договорить до конца свои мысли, какъ часто, охотою и неволею, садились они между двумя стульями.

Вотъ и наглядный примѣръ, на немъ надо остановиться: книга Д. Мережковскаго „Отъ войны къ ре-

рявшей сына, отъ лица художника, чье созданіе разрушено, отъ лица пахаря, чья нива выжжена, смѣло заявляетъ Д. Мережковскій: „вотъ и они говорятъ: не надо мира, война до конца“. Настолько смѣло, что смѣлость граничитъ здѣсь съ преступленіемъ.

И послѣдній итогъ этой книги, послѣдній выводъ изъ борьбы, поднятой во имя Христа съ „звѣринымъ націонализмомъ“, таковъ: „не будетъ мира, пока не побѣдимъ“.

Такъ за три года войны свершилъ Д. Мережковскій свой печальный путь отъ Христа къ войнѣ „до побѣднаго конца“.

Такъ пришелъ онъ, борясь съ религіознымъ націонализмомъ, къ худшему его виду—къ признанію цѣлаго народа носителемъ духа Антихриста. А можетъ ли быть что-либо болѣе антихристіанское, чѣмъ такое признаніе.

Такъ въ союзѣ съ Антихристомъ борется Д. Мережковскій противъ Антихриста...

IV.

Испытанія огнемъ войны не выдержалъ Д. Мережковскій, какъ ни боролся онъ сперва съ духомъ націонализма. „Отъ войны къ революціи“ продѣлалъ онъ этотъ путь отъ горныхъ вершинъ къ болотнымъ низинамъ — тѣмъ самымъ болотнымъ низинамъ, съ которыми такъ боролся. А теперь, подойдя къ революціи, выдержитъ ли онъ ея, неизмѣримо труднѣйшее, испытаніе въ грозѣ и бурѣ.

Испытаніе въ грозѣ и бурѣ революціи оказалось тоже непосильнымъ почти для всѣхъ русскихъ писателей, художниковъ и поэтовъ. Какъ въ войнѣ, такъ и въ революціи, почти всѣ они духовно завязли въ болотныхъ низинахъ, озлобились, чуть не „озвѣрѣли“. Свою ненависть они перенесли съ Германіи на революцію, на „революціонную демократію“, и нѣтъ тѣхъ злобныхъ словъ, какихъ бы они не прилагали къ ре-

волюціи, къ демократіи. И опять — исключеній такъ мало, такъ мало.

Но объ этомъ рѣчь особая. Здѣсь — только о Д. Мережковскомъ. И, говоря о немъ, можно безъ ошибки предсказать весь его путь по этой дорогѣ, хотя онъ до сихъ поръ еще не высказался, не высказывается. Молчалъ о войнѣ, потомъ заговорилъ — и отъ борьбы съ религіознымъ націонализмомъ пришелъ къ худшему его виду. Молчитъ о революціи, потомъ заговоритъ — и отъ борьбы за духъ революціи (въ статьѣ „14 марта“) придетъ къ ярому его отрицанію.

Если ошибусь я въ этомъ предсказаніи, — тѣмъ лучше и для литературы, и для г. Д. Мережковскаго; но врядъ ли ошибусь, ибо уже въ книгѣ его вижу, чего ждалъ онъ отъ революціи и какъ онъ ошибся.

Онъ думалъ, до революціи, что Россія — едина, что раздѣленіе есть только между общественнымъ „мы“ и бюрократическимъ „они“, что стоитъ лишь „намъ“ смести „ихъ“, какъ сразу „единая Россія“ всей тяжестью обрушится на „врага“ — и побѣдитъ. „Что Россія будетъ единою, и тогда побѣдитъ, — если въ этомъ кто-либо изъ ‚нихъ‘ сомнѣвается, то изъ ‚насъ‘ никто. Единая Россія куется молотомъ войны. Единство будетъ скоро, но единства нѣтъ сейчасъ“ . . .

И вотъ — пришла революція и показала (для тѣхъ, кто этого не зналъ раньше), что единства нѣтъ и среди „насъ“, что духъ націонализма и „насъ“ раздѣлилъ на два несоединимыхъ лагеря, что былыя надежды Мережковскихъ (ихъ было много) — наивны и несбыточны, что совсѣмъ инымъ путемъ идетъ и пойдетъ русская революція, что инымъ путемъ пойдетъ и революція міровая.

Крушеніе всѣхъ былыхъ надеждъ — вотъ чѣмъ должна быть для Д. Мережковскаго и для многихъ русскихъ революція. И отсюда — ненависть къ ней,

къ ея духу непримиреннаго исканія, къ ея безпощадной, а не половинчатой борьбѣ со звѣринымъ націонализмомъ до конца.

Революція принесла „не миръ, но мечъ“, и это труднѣе всего перенести какъ разъ тѣмъ, кто въ войнѣ взывалъ именно не къ миру, а къ мечу. Отъ Христа къ войнѣ до побѣднаго конца — этотъ путь Д. Мережковскій продѣлалъ; обратный путь — до побѣднаго конца революціи — врядъ ли будетъ ему по силамъ.

Ибо для этого — человѣку нужно то жаркое, пусть скрытое, духовное горѣніе, которое всегда было враждебно холодной стихіи Д. Мережковскаго. И книга его — „Отъ войны къ революціи“ — лишній разъ это подтверждаетъ. Испытанія огнемъ войны онъ не выдержалъ; не ему выдержать и испытаніе въ грозѣ и бурѣ революціи.

15 октября.

Благоразумные и безумные.

(Герценъ о нашихъ дняхъ).

I.

„Исторія февральской революціи представляетъ три фазы: ее начала парламентская оппозиція, которая далѣе реформы идти не хотѣла; ее совершилъ народъ провозглашеніемъ республики; ее закончили журналисты, адвокаты и былые „революціонеры“, воспользовавшіеся общимъ разгромомъ и своими либеральными и „революціонными“ именами, чтобы сѣсть на тронъ. Парламентская оппозиція съ ужасомъ увидѣла, что завоевала больше, нежели хотѣла. Адвокаты и „революціонеры“ стали между народомъ и мѣщанами, обоимъ присягнули, обоимъ протянули руки и основали свою власть на попыткѣ нелѣпаго примиренія.“

Да, такова исторія перваго полугода нашей „февральской революціи“. Но не думайте, что я изложилъ ее своими словами: я только, съ незначительными измѣненіями, буквально, переписалъ слова Герцена изъ его письма отъ 1 іюня 1848 года... Такъ писалъ онъ о тогдашней „февральской революціи“; такъ можемъ мы повторить теперь о „февральской революціи“ минувшаго года.

Герцена перечитываешь теперь, какъ самаго современнаго, какъ самаго „своевременнаго“ писателя. И часто забываешься, часто путаешься: тогда это происходило или теперь? Въ дни Кавеньяка или въ

наши дни? Вотъ глава исполнительной власти правительства республики въ іюньскіе дни: „посмотрите, что за роль начинаетъ здѣсь играть К.: онъ ѣздитъ съ драгунами, со штабомъ, и это нравится; да кому же? толпѣ? а хоть бы и ей: вѣдь suffrage universel (всеобщее голосованіе) дало ей въ руки государство... Вотъ и выпутывайтесь тутъ"... О комъ это? о чемъ это? Да о Кавеньякѣ, письмо Герцена помѣчено 6-мъ сентябремъ 1848 года.

Францiя не выпуталась; Россія теперь выпутывается. Она выпуталась изъ паутины „соглашательства" (по Герцену — „нелѣпаго примиренія"), она вышла изъ-подъ власти тѣхъ „революціонеровъ", которые „стали между народомъ и мѣщанами, обоимъ присягнули, обоимъ протянули руки и основали свою власть на попыткѣ нелѣпаго примиренія".

Правда, на борьбу съ этой властью, загублено было болѣе полугода; правда, властью этой была, быть можетъ, загублена вся русская революція. Но только тяжелымъ путемъ борьбы со всяческимъ „соглашательствомъ" могъ народъ, могли всѣ до единаго придти къ глубокому убѣжденію, что надо всѣмъ раздѣлиться на два стана, что иного нѣтъ пути для революціи, что по двѣ разныя стороны пропасти стоятъ революціонеры, чающіе міра новаго, и былые „революціонеры" стараго міра.

Хотите вспомнить, что говоритъ объ этомъ Герценъ? А вотъ что.

II.

...„Раньше было дешево либеральничать: стоило толковать о прогрессѣ, о самодержавіи народа, о демократическихъ симпатіяхъ, сидѣть въ „лѣвомъ центрѣ", пугнуть иногда мѣщанъ воспоминаніемъ о конвентѣ... — и все это, оставаясь не только защитникомъ правъ, но и порядка, т. е. существующаго.

„Все перемѣнилось и серьезно теперь; нельзя быть революціонеромъ не только по двумъ-тремъ фразамъ, рѣчамъ, но и по благороднымъ воспоминаніямъ о прошлыхъ бояхъ, строивши и защищая баррикады. Ни личная храбрость, ни доблестный нравъ не могутъ сдѣлать человѣка революціонеромъ, если онъ не революціонеръ въ смыслѣ современной эпохи.

„Революціонеры XVIII вѣка были велики и сильны именно потому, что они такъ хорошо поняли, въ чемъ имъ слѣдовало быть революціонерами, и, однажды понявши, безбоязненно и безпощадно шли своей дорогой. Быть теперь революціонерами въ смыслѣ конвента было бы почти то же, что явиться въ конвентъ гугенотомъ. Въ XVIII столѣтіи достаточно было бы быть республиканцемъ, чтобы быть революціонеромъ; теперь можно очень легко быть республиканцемъ и отчаяннымъ консерваторомъ. Но соціалисту въ наше время нельзя не быть революціонеромъ.

„Никакой нѣтъ обязанности быть революціонеромъ, но тотъ, кто поднимаетъ знамя, кто добровольно становится въ ряды, тотъ долженъ знать, что революція обязываетъ, что нельзя по капризу идти до того мѣста или до другого.

„По счастью, въ послѣднее время революція и консерватизмъ такъ раздвинулись, что какимъ колоссомъ Родосскимъ ни будь, но все же невозможно стоять на обоихъ берегахъ. . . Время политическаго эклектизма прошло, — надобно стоять на томъ берегу или на этомъ.

„Кто желаетъ сохранить что бы то ни было изъ основаній христіанскихъ, феодальныхъ, римскихъ, у того въ душѣ дремлетъ консерватизмъ и реакція; обстоятельства непремѣнно его обойдутъ. Дѣло очень просто: революціонная идея нашего времени несовмѣстна съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ“ . . . (1 іюня 1849 г.: „Письма изъ Франціи и Италіи“).

III.

Читаешь все это — и нѣтъ-нѣтъ, да забудешь: о комъ, о чемъ тутъ рѣчь. „Лѣвый центръ" — ужъ не о пресловутомъ ли „лѣвомъ центрѣ" партіи правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ пророчески говоритъ Герценъ. Объ этомъ лѣвомъ центрѣ правой партіи, весь годъ ухитрявшемся садиться мимо двухъ стульевъ прямо въ лужу соглашательства...

„Теперь нельзя быть революціонеромъ по благороднымъ воспоминаніямъ о прошлыхъ бояхъ, строивши и защищая баррикады"... Да, поистинѣ нельзя. Ибо защищавшіе одну сторону баррикадъ въ 1905 году защищали другую ея сторону въ 1917-омъ. И славныя революціонныя имена послѣднихъ десятилѣтій вылиняли, поблекли, а подчасъ стали и глубоко враждебными революціи въ тяжелый и великій 1917-й годъ. Ибо никакія прошлыя заслуги „не могутъ сдѣлать человѣка революціонеромъ, если онъ не революціонеръ въ смыслѣ современной эпохи." Это твердо зналъ Герценъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но этого не могутъ до сихъ поръ понять всѣ наши „революціонеры" въ кавычкахъ.

И еще зналъ Герценъ то, что такъ основательно забыли многіе изъ этихъ, заключенныхъ въ кавычки, людей: онъ зналъ, а они забыли, что революція обязываетъ, что „нельзя по капризу идти до того мѣста, или до другого"...

Онъ зналъ еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что подлинная революція, революція соціальная — „несовмѣстна съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ"... Онъ ждалъ, онъ звалъ такую революцію. А когда она пришла — мѣщанскіе соціалисты, прикрываясь его именемъ, стали всячески бороться за отжившее „европейское государственное устройство", стали всячески тормозить движеніе революціи „къ тому берегу", на которомъ уже три четверти вѣка

тому назадъ стоялъ Герценъ. И нѣтъ худшаго врага, чѣмъ Герценъ, для этихъ мѣщанъ соціализма.

Одного не предвидѣлъ Герценъ — не предвидѣлъ онъ этого нарожденія мѣщанъ соціализма ... „Соціалисту въ наше время нельзя не быть революціонеромъ“, говорилъ онъ тогда; и подлинно, въ то время рожденія революціоннаго соціализма, слова „соціалистъ“ и „революціонеръ“ были синонимами. А теперь?

Недавніе „соціалисты-революціонеры“ не обратились ли въ большинствѣ своемъ въ „соціалистовъ-реакціонеровъ“, въ соціалистовъ-мѣщанъ, слугъ стараго міра? И не попробовали ли они утопить въ мѣщанскомъ болотѣ революцію 1917 года?

Не только пробовали, но и долго еще будутъ пробовать. И хотя всякому духовному мѣщанству отъ вѣка уготовано конечное пораженіе, но не такъ то сразу дастся побѣда революціонному міровому соціализму. Впереди много еще черныхъ дней и годовъ. Но и ихъ тоже предвидѣлъ Герценъ ...

IV.

Герценъ зналъ, что побѣда революціоннаго соціализма возможна лишь при полномъ разрушеніи, полномъ „истребленіи“ („экстерминаціи“, говорилъ онъ) стараго міра; зналъ также, что силы этого міра еще велики, что борьба съ нимъ будетъ страшная, затяжная, безмѣрно тяжелая. Онъ предвидѣлъ не розовый и сладенькій соціалистическій рай впереди, а долгіе годы страданій, исканій, борьбы. Вѣщія слова о нашихъ дняхъ звучатъ въ его письмѣ отъ 8 ноября 1848 года:

„Побѣда демократіи и соціализма можетъ быть только при экстерминаціи (истребленіи) существующаго міра съ его добромъ и зломъ и его цивилизаціей; революція, которая теперь приготовляется (я вижу

ея характеръ очень вблизи), ничего не имѣетъ похожаго въ предыдущихъ. Это будутъ сентябрьскіе дни (1792 года) въ продолженіе годовъ... Старому міру не устоять: демократія — c'est l'armée militante de l'avenir (боевая армія будущаго), этого — „коррозивное (разъѣдающее) начало“... Да затѣмъ она только разлагающая, dissolvant стараго? Вѣроятно, можно объяснить, но не въ томъ дѣло, — дѣло въ томъ, что фактъ таковъ. Массы... не готовы къ гармоническому вступленію во владѣніе плодомъ цивилизаціи, но не готовы массы, съ другой стороны, и терпѣть, а потому характеръ взрыва будетъ страшный. Въ 1793 году терроръ и все прочее сдѣлано мѣщанами и парижанами; вообразите, что будетъ, когда весь пролетаріатъ въ Европѣ станетъ на ноги“...

Герценъ не былъ ни слѣпымъ оптимистомъ, ни Маниловымъ; онъ видѣлъ, что готовитъ будущее, онъ зналъ что демократія еще не готова къ міру новому и въ то же время должна подойти къ „экстерминаціи“ міра стараго... Не можетъ войти въ міръ новый и должна разрушить міръ старый: не въ этомъ ли величайшая трагедія демократіи? Никто изъ евреевъ, исшедшихъ съ Моисеемъ изъ Египта, не достигъ Земли Обѣтованной: ея достигло лишь молодое, новое поколѣніе, послѣ сорока лѣтъ блужданія въ пустынѣ...

V.

Но тутъ „благоразумные“ люди начинаютъ вопіять противъ такого „преждевременнаго“ исхода изъ Египта стараго міра; они называютъ „безумцами“ тѣхъ, кто идетъ на явную гибель, въ поискахъ Земли Обѣтованной. Грады и веси переполнены этими „благоразумными“ мѣщанами міра стараго; и даже среди чающихъ новаго міра не рѣдки эти „благоразумные“ голоса...

Не такъ-ли и при исходѣ изъ Египта „благоразумные“ изъ „сыновъ израилевыхъ“ корили своихъ вождей:

„чтобы не погибнуть въ Египтѣ извели вы погубить насъ въ пустыню! Зачѣмъ сіе сотворили еси намъ, извели насъ изъ Египта? Не говорили ли мы вамъ въ Египтѣ: оставьте насъ! пусть работаемъ мы египтянамъ! Ибо лучше было бы намъ работать египтянамъ, нежели умереть въ пустынѣ сей!“

Вѣчная это исторія: „благоразумные“ корятъ и поносятъ „безумныхъ“. Вѣчные это два стана. „Благоразумные“ всегда стоятъ за прочный, твердый старый міръ; „безумные“ всегда ищутъ землю обѣтованную, хотя бы на пути къ ней десятилѣтія надо было бы скитаться въ пустынѣ. И каждый изъ насъ долженъ твердо выбрать, къ которому изъ двухъ становъ хочетъ онъ принадлежать.

Нашъ выборъ сдѣланъ давно и освященъ всѣмъ крестнымъ путемъ героевъ мысли и дѣла минувшихъ вѣковъ.

Но со злобой и ненавистью бросаютъ намъ укоръ мѣщане стараго міра (особенно мѣщане-соціалисты), что не въ правѣ мы вести на гибель за собою народъ, „малыхъ сихъ“, что пусть погибнемъ мы въ пустынѣ — тѣмъ лучше, но не смѣемъ мы губить съ собою другихъ . . .

VI.

Вѣское слово и „благоразумное“. Но этимъ благоразумнымъ людямъ (отъ вѣка ведущимъ за собою къ гибели довѣрившихся имъ слѣпыхъ) давно уже отвѣтилъ Герценъ въ своемъ письмѣ отъ 1 іюня 1849 г.:

„Можно быть очень добросовѣстнымъ человѣкомъ и плохимъ историкомъ, еще худшимъ психологомъ. У человѣчества другая экономія, нежели у кухарокъ: оно починаетъ всѣ круги сыра разомъ, а не ждетъ, чтобы первый былъ съѣденъ: оно паритъ со всѣхъ концовъ. Когда является въ сознаніи новая великая мысль и поражаетъ сильнѣйшія разумѣнія своего

времени, её остановить или задержать невозможно; массы какъ будто предчувствуютъ ее; каждое слово, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, безпокоитъ, волнуетъ. И кто же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сказать людямъ, какъ Гамлетъ говорилъ себѣ: „Сердце, погоди, не бейся; я выжду, что скажетъ Горацiо?“ Развѣ мысль не такой же фактъ, какъ всѣ другiе факты?... Развѣ она не имѣетъ своего необходимаго рожденiя и развитiя, непреложнаго, неотвратимаго? Соцiализмъ долженъ былъ поднять свое знамя при первомъ кликѣ республики и заявить свое существованiе; обманутый два раза Временнымъ Правительствомъ, обманутый Учредительнымъ Собранiемъ, онъ потребовалъ сначала словомъ, потомъ баррикадами исполненiя обѣщаннаго“...

Перечитываю это — и снова на минуту забываю: о какой революцiи идетъ здѣсь рѣчь? о какомъ Временномъ Правительствѣ, о какомъ Учредительномъ Собранiи?... Не о нашихъ ли дняхъ говорилъ, впрямь, „безумный“ Герценъ?

VII.

Такъ или иначе — но съ „благоразумными“ намъ не по пути; пути наши давно разошлись. И пусть для нихъ „безумiе“ наше является „неразумiемъ“ — для насъ „благоразумiе“ ихъ является тѣмъ прѣснымъ духовнымъ мѣщанствомъ, съ которымъ нѣтъ и не можетъ быть ни мира, ни перемирiя. И худшимъ, ненавистнѣйшимъ врагомъ является для насъ мѣщанскiй соцiализмъ, этотъ вѣрный союзникъ стараго мiра.

Нѣтъ мира, нѣтъ перемирiя и въ борьбѣ революцiоннаго соцiализма за новый мiръ. Съ первой битвы соцiализма, разбитаго въ 1848 году, сдѣлавшаго первые шаги къ побѣдѣ въ 1917 году, и до послѣдней, далекой еще битвы — лежитъ тяжелый, трудный, долгiй путь. Будетъ ли впереди конечная побѣда?

Вѣримъ, что да: хотя и „не знаемъ ни часа, ни срока“. И снова вспоминаются пророческія слова Герцена:

„... Погибли всѣ надежды на спокойное и мирное прогрессивное развитіе, разрушены всѣ мосты переходныхъ соглашеній. Или Европа падетъ подъ ужасными ударами соціализма, расшатанная имъ и сброшенная со своего фундамента, какъ нѣкогда палъ Римъ усиліями христіанства; или Европа, какова она есть, со всей своей рутиной, вмѣсто идей, со своей старческой дряхлостью, вмѣсто энергіи, — побѣдитъ соціализмъ и, какъ вторая Византія, станетъ влачиться въ длительной апатіи, предоставивъ другимъ народамъ и другимъ странамъ прогрессъ, будущее, жизнь. Будь возможенъ третій исходъ, онъ былъ бы хаосомъ всемірной войны безъ побѣды съ чьей-либо стороны, былъ бы смутой всеобщаго возстанія, которая въ концѣ концовъ привела бы къ деспотизму, къ террору, къ окончательному истребленію. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: мы наканунѣ эпохи слезъ и страданій, воя и скрежета зубовъ...“

Да будетъ такъ! — Ибо измѣнить эти пути мы безсильны. Мы можемъ только всѣ свои силы, всю волю приложить къ тому, чтобы осуществился въ міровой исторіи первый изъ этихъ трехъ путей. Пусть духовные мѣщане, соціалисты и несоціалисты, всѣми силами поддерживаютъ „старую Европу“, старый міръ, пусть клянутъ они неизбѣжный исходъ черезъ пустыню, пусть ихъ будетъ „благоразумное большинство“ — тѣмъ упорнѣе пойдемъ мы по нашему пути. И пойдемъ отчасти по новымъ, отчасти и по уже проторённымъ тропамъ: мы видѣли, какъ далеко ушелъ по этому пути хотя бы Герценъ, ещё три четверти вѣка тому назадъ...

Пусть мы не дойдемъ, пусть дойдутъ дѣти дѣтей нашихъ — развѣ въ э т о м ъ дѣло, развѣ э т о дорого, цѣнно и важно? Лишь бы была вѣра въ путь, ведущій хотя бы къ первымъ ступенямъ внѣшняго раскрѣпо-

щенія человѣческаго, лишь бы издали, въ туманѣ видѣть обѣтованную землю...

„И показахъ ю очесемъ твоимъ, и тамо не внидеши". Пусть такъ. Но въ грозѣ и бурѣ революціи, въ ея тяжелыхъ и душныхъ раскатахъ, я уже вижу и предчувствую будущую Обѣтованную Землю человѣческой свободы. И какъ ни тяжекъ путь, но съ благодарностью къ судьбѣ часто повторяю слова поэта:

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя;
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель...

9 января 1918 г.

Отто Эльснеръ, Берлинъ.

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ / БЕРЛИНЪ